

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА XX ВЕКА

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ПОСЛАННИК

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серии и дизайн переплета *А. Саукова*

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Посланник / Василий Головачёв. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 928 с. : ил. — (Лучшая фантастика XX века).

ISBN 978-5-699-91969-7

Звезда Василия Головачёва вот уже несколько десятилетий ярко сияет на небосводе отечественной фантастики. Автор десятков книг, суммарный тираж которых превышает 20 миллионов экземпляров, писатель, художник и философ, Василий Головачёв обладает редчайшим даром — способностью донести до читателя самые глубокие научные идеи и социальные конструкции, затрагивающие основы мироздания и принципы построения человеческого общества в изящной литературной форме. Этот тезис блестяще подтверждают романы «Посланник» и «Избавитель», вошедшие в данный том.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91969-7

© Головачёв В.В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Содержание

ПОСЛАНИК

7

ВИРУС ТЬМЫ

339

ИЗБАВИТЕЛЬ

605

Посланник

Мир – бездна бездн!

И. Бунин

ВЕРШИНА ПЕРВАЯ

НОВИЧОК

ГЛАВА I

Никита всей грудью вдохнул прохладный вечерний воздух: самый длинный июньский день закончился, прошёл дождь, смыв жару и духоту, и парк был напоён ароматами цветов и трав.

— Вздыхаешь так, будто потерял что, — заметил спутник, головой едва доставая Никите до подбородка. — Или устал? Но танцевал ты сегодня блестяще! Я бы даже сказал — на пределе. Конечно, я не эстет, но, по-моему, такой танец требует не только мастерства, но высочайшей культуры движения, исключительной пластики и координации. Ты поразил всех, в том числе и меня. Уж не попрощался ли ты с труппой?

Никита искоса глянул на товарища, освещённого рассеянным светом недалёкого фонаря. Тоява Такэда, Толя — как его звали все от мала до велика. Тридцать два года, отец японец, мать русская. От отца нос пуговкой, раскосые глазащёлки, чёрные блестящие волосы, невозмутимость и сдержанность, от матери большие губы, широкие скулы и застенчивость, несколько странная для мужчины и бойца. Инженер-электронщик, кандидат технических наук. Чёрный пояс айки-дзюцу. Коллекционер старинного холодного оружия и философских трактатов древности. И рядом Никита Сухов, Ник, или Кит, или просто Сухов, — акробат, гимнаст, танцор-солист в труппе шоу-балета. М-да...

Никита вспомнил, как они познакомились.

Раз в неделю, по субботам, он ходил вместе с приятелем в баню-сауну на Кривоколенном. На этот раз приятель — сосед по лестничной клетке — уехал в командировку, и Сухову пришлось идти одному. Банщик, сориентировавшись, впустил кого-то из своих знакомых, и этим знакомым оказался Тоява Оямович Такэда.

Когда Никита, дважды пройдя сухую и мокрую парилки, блаженствовал в бассейне, к нему по бордюру подошёл невысокий по сравнению с акробатом, тонкий, худощавый, но весь перевитый мышцами-канатами молодой японец, в котором явно текла и европейская кровь.

— Извините, — вежливо сказал он, опускаясь на корточки. — Меня зовут Толя. — По-русски он говорил без акцента. — А вас?

— Сухов. — Никита приоткрыл глаза, стоя в воде по грудь. — Фамилие такое. По паспорту я Никита Будимирович. Правда, все привыкли звать меня просто Сухов.

Новоявленный знакомец тихо рассмеялся.

— Да и меня, в общем-то, зовут иначе: Тоява Такэда. Толя — это уже русифицированный вариант. Я вас видел здесь дважды, но разглядел одну деталь только сейчас.

— Какую? — Сил у Никиты хватало только на краткие реплики.

Толя коснулся указательным пальцем плеча Никиты: там красовались рядом четыре родинки, каждая из которых здорово напоминала цифру «семь».

— *Devini numeri.*

— Что?

— С латыни — священные числа. Дело в том, что я немного увлекаюсь эзотеризмом и математикой Пифагора, а он об этих числах написал целый трактат.

— Ну и что?

Японец протянул руку вперёд, и Никита увидел на предплечье три такие же, как у него, родинки, но похожие на цифру «восемь».

— Три восьмёрки — знак великого долга, — продолжал Толя мягко. — А ваши четыре семёрки — знак ангела. Люди с таким знаком умирают в младенчестве, а если живут, то им постоянно угрожает опасность.

С Никиты слетела вся его сонливость, парень заинтересовался.

— Насчёт ангела я с вами согласен, мама говорила мне то же самое. А вот насчёт опасности... Вы что же, всерьёз в это верите? В мистику?

— В мистику — нет, в магию цифр — да...

Так они и познакомились год назад и стали друзьями, хотя Толя был старше Никиты на шесть лет. По имени он его, как и приятели в театре, также звал редко, чаще — Меченый или

Сухов. А иногда, в зависимости от своего отношения к поступку Сухова, сокращал его имя, называя то Ником, если был доволен им, то Китом, если считал неправым. Такэда понял взгляд товарища по-своему.

— Ты сегодня какой-то странный, Никки. Хочешь, познакомлю с красивой девушкой?

Никита покачал головой.

— По христианским представлениям, женщина — источник соблазна и греха. У нас в труппе их двадцать, так что с меня греха вполне достаточно.

— Знаю я, как ты грешишь, точно — ангел, недаром четыре семёрки на плече носишь. Вина не пьёшь, мяса не ешь, с женщинами не спишь. Или я не в курсе? Вот первый мой учитель по айкидо — тот знал толк в пяти «ма».

— Пять «ма»? Напомни.

— Объекты почитания в тантризме: мадья — вино, макса — мясо, матсья — рыба...

— Вспомнил: мадра — жареная пшеница, так? И майтхуна — это... м-м...

— Оно самое, с женщинами. Ладно, если можешь обойтись — обходись, это хороший принцип. Но я бы тебе всё-таки посоветовал заняться айкидо. Или кунгфу.

— Зачем? Драться ни с кем не собираюсь.

— Айкидо — это не умение драться, это прежде всего философия, отношение к жизни, к себе, к самосовершенствованию. Это искусство и наука, а главное — культура бытия.

— Завёл сказку про белого бычка. На протяжении всей своей истории человечество почему-то обожествляло бой, хотя акробатика, гимнастика требуют лучшей координации и более высокой культуры движения.

Такэда погрузился.

— Тут с тобой согласен. Однако именно поэтому тебе и стоило бы заняться кэмпо, база у тебя отличная. Как ты сегодня танцевал! Долго тренировался?

— Долго. — Никита снова прокрутил в памяти только что прошедший вечер, ощущая приятную усталость во всём теле, сладко ноющие, натруженные мышцы.

В балетную труппу Коренева он попал после окончания Смирновского танцевально-хореографического, занимаясь одновременно и акробатикой в сборной команде России, имея степень мастера международного класса. Случались, конеч-

но, накладки, когда тренировки в сборной совпадали с репетициями в балете, однако Никите как-то удавалось находить компромиссы, то есть тренироваться и работать в течение двух лет. В отличие от друзей, он не любил ходить в ночные клубы, хотя и бывал в Олимпийском, но удовольствие получал от многого другого. Несмотря на свой рост — сто девяносто три сантиметра — и приличный вес, акробатом он был от Бога, как говаривал Толя Такэда, добавляя: врождённый дар, да ещё отшлифованный. Но и в танце Сухов не знал себе равных, затмив славу самого Коренева, который основал труппу современного эстрадного шоу-балета и подгонял её под себя. Никита был от природы солистом, танец любил и понимал естественным, совершенно свободно, чему способствовала и атмосфера семьи: мать сама танцевала когда-то, преподавала хореографию, а отец был неплохим музыкантом-скрипачом, пока не умер внезапно, мгновенно, от разрыва сердца в одной из гастрольных поездок за границей.

Сначала Корнев ставил молодого танцора в параллельные связки, не слишком обращая внимание на рост его мастерства и класса, но потом заметил, что сам уходит на вторые роли, и для Никиты наступили трудные времена. Выделяясь из массы остальных исполнителей, он вынужден был подгонять свой темперамент, силу, возможности растяжки и пластики под общее движение, потому что Корнев перестал давать ему солидные роли практически во всех программах.

Промучившись так с полгода, подумывая о переходе в другие труппы, в том числе классического балета, предложения были, и довольно солидные, — Никита вдруг решил создать собственную программу и показать её на конкурсном отборе среди мастеров балета. В формировании программы большую помощь оказала мама, дав несколько советов и показав видеоролик с выступлением выдающихся фигуристов мира. Танец Толлера Крэнстона, канадского профессионала, выступавшего в семидесятые годы двадцатого века и не превзойдённого позже никем из последователей в течение четверти века, произвёл на Никиту неизгладимое впечатление. Такой пластичности, красоты движения, необычности поз он ещё не видел и загорелся создать нечто подобное не на льду, а на сцене.

Тренировался он почти год, никого не посвятив в свой план, даже Такэду, а потом внезапно сорвался: оставил после репетиции труппу, сказав, что подготовил сюрприз, включил кассету с музыкой, под которую репетировал программу, и двадцать

минут летал над сценой в порыве какого-то неистового вдохновения, соединив плие, пируэты, фуэте и арабески¹ в необычные и сложные комбинации. Может быть, он уже знал или предчувствовал, что нигде и никогда больше не покажет этот танец, в том числе на конкурсе.

Танец не имел названия, он сочетал в себе элементы многих классических и эстрадных танцев в стиле рэп, брейк и монопляс, кроме того, в нём присутствовали и сложнейшие па акробатических прыжков и гимнастических связок, а также придуманные танцором тончайшие пластические переходы мышечных растяжек и гибких махов, имитирующих грациозно-величественную поступь леопарда, охотничьи прыжки пантеры, броски змеи и гротескный полёт по деревьям гиббона.

Для увязки всего этого сложного танцевального пространства Никита использовал чистоту, благородство и пластичность языка русской школы, ритмику Хаммера, негритянского певца и танцора девяностых годов двадцатого века, и опыт индийской танцевальной культуры, насчитывающей тысячелетия. Ему как нельзя кстати пришлось стили школ бхарат натья и катхак — угтонченной разработкой мимики и движений рук, а также своеобразной системой канонических жестов.

Когда музыка закончилась, в зале, оказавшемся забитым до отказа — слухи о «конкурсном просмотре» просочились во все помещения театра, и в зал прибежали все, кто там был, — установилась абсолютная тишина. Ни скрипа, ни шороха, ни хлопка! Лишь чей-то тихий вздох. Так, в полной тишине, Никита и сошёл со сцены, улыбнувшись Такэде, который молча взял его под руку.

Да, вероятно, это и было прощание. С коллективом, во всяком случае, если не с театром и студией. И все это поняли, кроме, пожалуй, Коренева, который пытался что-то говорить вслед уходящим, требовать, давать распоряжения и вдруг замолк на полуслове, потому что зал встал и стоя проводил танцора штормом аплодисментов...

— Ты домой? — Толя Такэда, щурясь, смотрел на него задумчиво и понимающе.

У Никиты потеплело на душе: порой ему казалось, что друг свободно читает его мысли, сочувствуя и сопереживая. Он нашёл у Бранта четверостишие:

¹ Группы приседаний, поз, прыжков и вращений в балете.

От танцев много есть последствий,
Весьма тлетворных в младолетстве:
Заносчивость и самохвальство,
Распутство, грубость и нахальство.¹

И добавил:

— Тебе не хватает лишь последнего.

— Проводишь?

— Нет, пройдусь по парку, хочу побыть в одиночестве. Завтра в два обедаем у тебя в институте.

Такэда хлопнул ладонью по подставленной ладони танцора, но не успел сделать и шага, как вдруг из парка донёсся страшный свист и гул, от которых задрожала земля. Что-то с неистовым треском взорвалось, по аллеям парка расползлось ядовитое шипение, заглушенное удаляющимся топотом. Яркие голубовато-зелёные всполохи, озарив небо над северным районом массива, погасли. Наступила тишина.

— Что это? — удивлённо поднял брови Сухов.

Такэда глянул на руку, на пальце которой красовался замысловатой формы перстень: в глубине чёрного камня горел рубиновый шестиугольник.

— О Сусаноо!² Иди домой, Кит, потом поговорим. Кое-что мне здорово не нравится.

— Но ты видел? Гроза будет, что ли?

— Не знаю. Пока. — Инженер бесшумно растворился в ночи. Никита иногда шутил, что ходит он как ниндзя, но в этой шутке была доля правды: Толя занимался айки-дзюцу с младенческого возраста, сначала с дедом Сокаку Такэда, который сохранил технику сосредоточения жизненной энергии школы Дайторю, а потом — под руководством отца, и к своим тридцати двум годам, овладев тайнами восточных единоборств, стал мэнкё — мастером высшего класса. Что не мешало ему заниматься философией и работать в Институте электроники.

Никита улыбнулся своим мыслям и не спеша направился по боковой аллее парка к выходу на стоянку, где была припаркована его машина, не придав значения этим странным звукам и вспышкам. Но именно с этого момента колесо его бытия сдвинулось с наезженной колеи, увлекая к событиям странным,

¹ Б р а н т С. Корабль дураков.

² Бог дождя, грозы и грома (*яп.*).

таинственным и страшным, к которым он абсолютно не был подготовлен.

Он успел пройти лишь треть аллеи, отметив почти полное отсутствие горевших фонарей, как вдруг впереди и слева, за кустами черёмухи, раздался вскрик, за ним глухие удары, возня, ещё один вскрик и потом долгий мучительный стон. Затем всё стихло.

Чувствуя что-то вроде озноба, Никита в нерешительности остановился, вглядываясь в темноту. Свет фонаря, горевшего зади метрах в десяти, сюда почти не доходил, и разглядеть, что делается в кустах, было невозможно. Сухов по натуре не был трусом, но и на рожон лезть не любил, предпочитая разумный компромисс открытому бою, хотя физически был развит великолепно. Однако он занимался тем видом спорта, который не поднимает в человеке чувства неприязни и желания победить насильем, в акробатике и гимнастике человек, по сути, борется с собой и лишь потом — опосредованно — с противником. Ещё ни разу в жизни Никита не сталкивался с ситуацией, заставившей бы его сражаться за жизнь, хотя мелких стычек было достаточно, и всё же судьба его хранила. Но кто знает наверняка, когда надо быть осторожным, а когда бросаться вперёд сломя голову?

Из-за кустов донеслись шорохи, треск ломаемых ветвей, затем шаги нескольких человек, и на асфальтовую дорожку вышли четверо мужчин в одинаковых пятнистых комбинезонах, с какими-то палками в руках и «дипломатами», замки на которых и металлические углы светились голубым призрачным светом. Увидев Сухова, они разом остановились, потом один из них, огромный, широкий, как шкаф, ростом с Никиту, если не выше, тяжёлой поступью двинулся к нему. То, что Сухов принял за палки, оказалось короткими копьями со светящимися, длинными и острыми, как жало, наконечниками.

Бежать было поздно, да и вид этих четверых показался таким необычным, что первой мыслью было: десантники! Выбросили их здесь для тренировки, вот и всё. В здравом уме никто не будет разгуливать по парку в маскировочных костюмах. А может быть, это артисты снимают какой-то экзотический боевик, пришла другая мысль, не менее успокаивающая. Тоже вариант не исключен.

— Вы не слышали? — поинтересовался Никита, на всякий случай принимая стойку. — Кто-то недалеко кричал.